

СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО

Сны Виктора Левашева



Сергей Цымбаленко

Сны Виктора Левашева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178518

ISBN 9785449031426

Аннотация

Жизнь молодого человека проходит в снах, которые интересней реальности. Из-за этого неприятности на работе, в личной жизни. Есть ли выход из этой ситуации?

Сны Виктора Левашева

Сергей Цымбаленко

Иллюстрации художника Евгений Алексеевич Медведев

© Сергей Цымбаленко, 2018

ISBN 978-5-4490-3142-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Слушай, где некролог на первую полосу? Я тебе вчера звонил.

Вопрос Геннадия Сергеевича, ответственного секретаря нашей молодежи, застал врасплох. Я писал, помню слово в слово: «Каждый понедельник мы собираемся на редакционную летучку, чтобы обсудить, какой будет газета на неделе. В этот раз с нами не было Петра Половникова. Он умер, несмотря на свои 36... „Он человек был в высшем смысле слова“, – говорил Гамлет. Это и про Петра. Лучше никто не писал про театр, кино»...

– Разве я не отдал вам текст?

– Не валяй дурака, а, – Геннадий Сергеевич поправил некрасивые очки, как у доисторического интеллигента. Наверное, в наследство от бабушки остались. Как мне перьевая

ручка от мамы.

– Перьевой ручкой написано, с кляксой.

Да, ясно помню, как писал, а в чернильнице попался волос, который никак не хотел отлипнуть от пера. Остался след на бумаге и чернильная капля.

– Какая перьевая ручка? Где ты их видел в наше время?

Геннадий Сергеевич не знал, как реагировать. Может, это розыгрыш, а он шуток не понимал и боялся выглядеть смешным.

– В общем, не валяй дурака, гони некролог. Сейчас же.

Мне ничего не стоило слово в слово набрать на компьютере текст, который не выветрился из памяти. Зато появились сомнения. Неужели я уже тексты пишу спящим? А Шекспир? Можно ли его цитировать во сне?

С перьевой ручкой все понятно – она всегда на столе в память о маме. Мама переживала, что в школе отменили чистописание, поэтому заставляла меня в детстве чернилами и пером выводить буквы. Боялась, что почерк от шариковой ручки испортится. Не помогло. Дело в том, что у меня мысли опережают пальцы. Я стараюсь поспевать за ними, пропускаю буквы, слова или не дописываю предложения. Ну, это а ргоро, между прочим.

Я стал осознавать, что на самом деле творил во сне. Сначала прямо на оттиске газетной полосы для вычитки, где в верхнем правом углу было пустое место для некролога. Да, это был сон. Он выкристаллизовывался в сознании. Я начал

писать красной краской с помощью кисточки, как китайцы, потом понял, что это ни к чему и перешел на перьевую ручку. Аккуратно написал. Всего одна клякса! Мама бы гордилась мной.

После ее смерти я стал спать больше, чем положено взрослому здравомыслящему человеку. Если никто не тревожит, как по выходным, могу отключиться до вечера, а то и на сутки. Сначала просыпаюсь, как обычно, с рассветом. Но это слишком рано. Если сразу не встал, то наваливается сон-дурман, который окутывает и держит в своих ватных объятиях. Я встаю, делаю зарядку, пью кофе, а потом оказывается, что все происходит не наяву. На самом деле сплю, несмотря на два будильника. Один – почти полметра в диаметре, специально подарен мне в редакции на тридцатилетие, чтобы не просыпал на работу. Он орет, как... Как наш главный редактор, когда не в духе. Не помогает. Я про будильник. Мобильный телефон извергает каждые пять минут разные мелодии, но и он зря старается. Меня могла кроме мамы растормошить подруга Светка, если, конечно, сама не спала. Да где она, зараза.

Мама, пока не слегла от болезни, работала продавцом в книжном магазине.

– Старшим продавцом, – поправила бы она меня.

Да, старшим продавцом. Это значит, что опекала молодых девушек, приходила на помощь в случае конфликта.

Неприятности возникали из-за посетителей, которые листали книги, хотя явно не собирались их покупать. Замусоленную пальцами продукцию сначала не списывали, а вычитали стоимость из зарплаты продавцов. Вот молодые по неопытности и набрасывались на посетителей-вредителей. Потом для читающих покупателей столики поставили, лишь бы приходили в магазин. Влияние Запада.

У меня была в детстве привилегия на чтение. Мама обертывала книгу газетой, чтобы не испачкать, следила, вымыл ли я руки. Я рос в окружении книг, воспринимая их как часть самого себя. Иногда не хотелось из вихря литературных событий возвращаться к вялотекущим будням. Разве может противно морозящий дождь сравниться с морской бурей, рвущей паруса и сбивающей с ног? Или сражение на шпагах с гвардейцами кардинала – с унижительным вымогательством у тебя парнями денег на улице? Я бы тоже с удовольствием пошел работать в книжный магазин, помогал выбирать книги, особенно детям. Многих продавцов дети раздражают, потому что только картинки рассматривают, решение о покупке все равно принимают родители. Я бы для них сделал в магазине читальные места (не обязательно столики, сойдет и ковер на полу) и с удовольствием наблюдал, как они погружаются в завораживающий мир, забывая обо всем. Родители призывают вернуться к ним, а ребятам не хочется. Они реагируют, если призывы усиливаются подзатыльником.

Хорошее чтение сродни снам. Да, похоже, только источники фантазий разные. В книге ты переживаешь воображение автора, а во сне творишь сам. Я с детства легко переходил из чужой реальности в свою – с упоением спал. Правда, сны не помню. Маме героическими усилиями удавалось меня будить даже на занятия в университет. Я не выдерживал ее увещаний, похожих на зубную боль.

– Только не это, – говорил я и вставал.

Благодаря упорству и терпению мамы, я получил высшее образование и вместо продавца стал психологом, по призванию пошел работать в школу.

Директор Тамара Рафаиловна в связи с моим появлением собрала «малый педсовет» с завучами и заместителями. Бывший работник городского управления образования, подверженная новым веяниям, она «положила на меня глаз» во время практики, когда я с воодушевлением тестировал старшеклассников и предлагал им программу личностного роста.

– Нам это очень нужно, – сказала в конце практики директор и устроила прощальный чай с тортом.

И вот долгожданный первый рабочий день. Я чувствовал себя как на экзамене, когда вытягиваешь билет, к которому хорошо подготовился.

– Как нам всем известно, задача школы – не сумма знаний, а вооружение детей инструментами самообразования и саморазвития, умения выстроить свои отношения с обществом

и моделировать будущее. Я выстроил соответствующие блоки: «Кто я. Как стать успешным», «Я и семья, коллектив, общество», «Моя будущая профессия». Бонус для учителей (совместно с учителем информатики): «Как использовать интернет в процессе преподавания».

Участники, вернее, участницы педсовета озадаченно листали красиво оформленную программу. Я старался все сделать в образных рисунках, таблицах. Тамара Рафаиловна смотрела на меня, как Державин на лицеиста Пушкина с известной картины Репина.

– У нас уже сверстан учебный план, – обращаясь к директору, сказала вечно усталая и озабоченная завуч Инна Александровна. – Родители и так жалуются на перегрузки.

– Будем внедрять постепенно. Начнем с профориентации в девярых-десятых классах. Там же есть шесть часов на факультатив, – предложила, одобрительно улыбаясь, Тамара Рафаиловна.

– Ах, постепенно. Тогда другое дело.

Они, видимо, понимали друг друга с полуслова.

– А еще наш молодой коллега поможет составлять отчеты о работе школы с учетом своих программ роста, с прекрасными картинками.

Так я попал в капкан. Работа с детьми стала моим личным увлечением, а красивые презентации и отчеты главным делом. Потом стали сокращать ставки, и Тамара Рафаиловна предложила что-нибудь преподавать, чтобы не терять ценно-

го работника. Я сбежал.

К счастью, еще студентом, я увлекся радиовещанием — на городской студии придумывал литературные викторины для ребят. Моей гордостью была игровая передача «Капитан Книга». Каждый раз я увлекал юных радиослушателей в путешествие по мотивам литературных событий. Чтобы спасти Капитана, нужно было вспомнить, в какой книге происходило подобное происшествие и написать в редакцию. Например, плывем по реке на прогулочном катере, а компас взбесился, показывает не тот маршрут. Конечно же это случай из «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. Ищи вредительскую железку. Писем от моих слушателей приходило рекордное количество, и я получал помимо ставки хорошие гонорары. Только я собрался искать спонсоров, чтобы с лучшими читателями отправиться не в воображаемое, а в настоящее путешествие с приключениями на пароходе, как детскую редакцию вместе с передачей закрыли. Нас перевели в молодежку, где нужно по несколько часов трепаться в эфире и проводить глупые викторины, лишь бы держать внимание слушателей. Мне везло — позвали в газету «Голос молодых», где я и прозябаю. И тут куча рутины, никому не нужных материалов, пребывание в редакции, даже если нет работы. Сидишь, гоняешь с коллегами чай и не только. Но пока деваться больше некуда. Поневоле заснешь от скуки и тоски, едва доберешься до кровати. Она у меня просторная, удобная. Валишься, иногда даже не раздеваясь, и...

Я приехал освещать какой-то детский фестиваль. И застрял. Начался карантин из-за непонятной болезни. Открываю ящик в гостиничном шкафу с вещами, а оттуда насекомые вылетают и червячки ползают. Ужас. Гниение ни с того ни с сего. Только я собрался вычищать ящики, в комнату зашел высокий юноша с осмысленным лицом. Вылитой мой Капитан Книга. Он поддерживает исхудавшего парнишку в шортах, в больших глазах которого страдание и мольба, на влажный лоб налипли волосы.

– Надо немедленно к врачу! – говорю я.

– Оттуда не возвращаются, – отвечает юноша.

Он ведет больного приятеля в ванную, моет, вытирает полотенцем. Мальчика тошнит, несмотря на попытку сдержаться. На полу желчная лужица, как бывает после похмелья, когда в желудке не остается никакой еды.

Ребята уходят, а я понимаю угрозу происходящего. Для больных детей, которые исчезают, попадая к докторам, для себя лично.

Это сон. Я просыпаюсь, но не могу выйти из него, лихорадочно продумывая свои действия: все промыть, дезинфицировать, уничтожить грязные тряпки. Начать журналистское расследование под видом добровольческой помощи врачам... Стоп, зачем, я ведь проснулся у себя в квартире. Но несчастные дети остались там, во сне, без помощи. Если сны – это особая реальность, то я бросил там несчаст-

ных детей в трудную минуту, предал. Противно на душе, надо сделать попытку вернуться.

Засыпаю и оказываюсь в редакции. Детально вижу кабинеты, всех коллег. Захожу в комнату, которая служит нам кухней. Здесь газовый котел на ножках, он стоит на полу и сходит с ума – дребезжит и урчит. Да он же сейчас взорвется! Это чья-то диверсия против меня. Но при чем тут другие люди? Срочно прошу всех покинуть помещение, руковожу эвакуацией, а сам опять просыпаюсь. Взрыв прогремит без меня. Успокаиваю волнение тем, что это уж точно сон – в редакции никогда не было газа. На всякий случай поспешил в офис, проверить, как там. Все спокойно. Сотрудники сидят за столами, бродят со скучающим, но спокойным видом.

Вроде не сплю. Нужно воспользоваться этим и осмыслить происходящее. Сделал себе большую кружку кофе. Итак, сны овладевают мной, и то, что происходит в них для меня очень важно. Переживания сильнее, чем при просмотре ужастиков, не говоря про менее драматичную действительность. Я научился покидать сон в минуту опасности, когда сердце готово выпрыгнуть из грудной клетки – это, наверное, хорошо. Не хватает только умереть во сне от инфаркта. Представляю себе, как лежу в одинокой квартире, некому скорую помощь вызвать. В редакции хватились: «Где Левашов? Опять запил?» – «Хуже. Спит». Приходят, взламывают дверь, а я сплю, но уже вечным сном. Так не годится, хорошо, что срабатывает чувство сонного самосохране-

ния. Но что делать с, возможно, дурацкой ответственностью за происходящее? В оставленном мною пространстве-времени – взрывы, пожары, эпидемии, гибнут детки. Возникшие при моем участии и брошенные очаги опасности – это жутко. Стоп, разве я виноват? Сон как кино, к которому я причастен, но он не подчиняется моей воле – вырвавшееся на свободу воображение.

– Эй, старичок, не найдется ли закурить? – спрашивает, глядя мимо меня Димон, которого в газете переделали в Демона Абрамовича из-за постоянно печального и задумчивого состояния.

– Ты же знаешь, что я не курю.

– Ах, да...

Может, он тоже спит, только наяву?

Можно запутаться, где реальность, а где сон. Черно-белая тусклая действительность больше похожа на сон, а сон с яркими картинками и событиями – на реальность. В той реальности со мной происходят серьезные трансформации.

Вот я ворочаюсь с боку на бок, потому что у меня в районе сосков два файла для информации. Я как бы флешка. Моя психика разлагается на несколько составляющих и должна быть переформатирована. Это очень неприятно и, по-моему, небезопасно. Надо просыпаться или менять лингвистический сон. Поворочался – и получилось. Теперь снятся «пустые» слова. в них нет смысла или образа. Как предметы без тени. На основе логического силлогизма вывожу – «слова

без тени». Почему-то мучительное ощущение от этих слов. Может, мир теряет смысл? Сначала исчезнет смысл, а потом и сам мир. Я сканирую себя и размещаю в другую реальность сна как в компьютер.

Просыпаюсь от звуковых трелей. Звонит надувной игрушечный телефон. Я поднимаю трубку... Молчание, но я понимаю, что это мама. «Мама, мамочка, это ты? У меня все хорошо, ну почти. А как там?» Тишина. В этот момент я понимаю смысл выражения: «гробовое молчание».

Мама умерла. Светка ушла. Я брошен в пустой квартире на съедение мыслям и воспоминаниям, которые высасывают из меня жизненные силы.

Изо дня в день, или из ночи в ночь, снится, что наш кот Кыс, как маленький ребенок, пытается по-человечески выговорить слова. Иногда получаются даже фразы. Во всяком случае, кот пытается показать, что понимает мою речь. Раньше наяву я часто обращал внимание на его осмысленный взгляд и желание быть понятым. Сидим, бывало, одиноко, смотрим друг на друга, вздыхаем. Заканчивается тем, что кот лезет целоваться в губы. Видимо, привычка от прежних хозяев. Маленьким котенком, Кыс объявился у нашей двери и стал жалобно мяукать. Мама вынесла блюдце с молоком. Котенок стал приходить каждый день, и уже требовал еды. Старушка-соседка, спускаясь по лестнице, укоризненно сказала: «Что же животное мучаете? Эх, хозяйева...» Мама хотела оправдаться, но передумала и пустила котенка в квар-

тиру. Он быстро обнюхал все и выбрал себе место на кухонном диванчике. С именем мудрить не стали – просто «Кыс». Если я сердился на него, то звал «Крыс». Кот недовольно отворачивался и переставал реагировать на меня.

Кыс невольно ускорил мамину смерть. У него была привычка бродить по карнизу за окном, выжидая птиц. Периодически он делал прыжки, пытаясь их поймать. Вот в такой момент маме показалось, что кот падает, и она устремилась его спасать. А потом схватилося за сердце.

– Больно, ой как больно. Ты же знаешь, я терпеливая, а сейчас не могу.

Врач «скорой» сказал, что нужно срочно в реанимацию. Виновато объяснил, что носилок нет, только клеенка, на которой носят мертвецов. Ничего не оставалось, как согласиться. Кошмар. Соседи замерли на лестнице и смотрели на этот ужас. В реанимации я предложил молоденьким медсестрам деньги, так как мама настолько стеснительная, что на горшок не попросится. Они отказывались, уверяя, что это их обязанность, но все-таки взяли. Мама быстро пошла на поправку. Ее перевели в общую палату, а там пожилая медсестра оказалась мегерой. Деньги не взяла и сказала, что никому прислуживать не собирается. Мама на каждом свидании говорила: «Домой, домой, домой». Врач ни в какую. Почему я не послушал маму? Единственный раз в жизни. В шесть утра позвонили, что мамы больше нет. Она лежала в гробу, поджав губы, наверное, от досады. Она не ждала выздоров-

ления, а домой хотела, чтобы в последний миг я был рядом. Мог подержать за руку. Во время отпевания в церкви кружила надоедливая муха, которой неведомо было, что я прощался с самым дорогим человеком. Навсегда.

Кыс вскоре после похорон устался в одну точку и перестал есть. Ветеринар объяснил, что отказали печень и почки. Предложил усыпить, чтобы не мучить животное. Теперь Кыс приходил проводить меня в снах, разучивая новые слова. Каждый раз он пытается выговорить что-то важное. Я терпеливо жду.

Бедный я, бедный, никому не нужный человек. В самый раз обращаться к практикующему психологу. Забавно: психолог приходит к психологу, я, наверное, начну ему или ей помогать подбирать ключи к своей личности. Психиатров я боюсь. С помощью таблеток они начинают манипулировать сознанием, человек теряет самого себя, попадает к ним в зависимость. Пожалуй, это мучительней зубной боли. Я решил пока справляться сам и проложить тоннель между реальностью и снами, записывая их с точной хронологией. В компьютере появилась папка «Сны», где разделы по годам, месяцам. Каждый файл обозначен числом. Если записывать сон, когда помнишь хотя бы одну деталь, его можно вытянуть, как за веревочку.

В пять утра во сне сделал открытие, что вещи могут быть живыми. Лучше всех это знает гардеробщик нашего издательского комплекса. Он, как пастух, прилагает огром-

ные усилия, чтобы не разбежались пальто, шапки, перчатки, шарфы. Вот почему он повесил объявление: «Мелкие вещи не берем». Поди угонись за ними. Придумалось название одушевленных предметов: эдипки. Как-то они связаны с эдиповым комплексом Фрейда.

Чтобы разорвать плотный круг снов, я попытался более или менее лояльным коллегам рассказывать про свои видения.

– Ты это всерьез рассказываешь? – откликнулся Димон на эдипки. – По-моему, это уже клиника, пора к врачу.

Зинуля, которой за сорок, но изображает из себя девочку, долго смеялась. Видимо, до нее дошел подтекст, который наверняка обнаружил бы Фрейд в виде множества половых членов. Закончив смеяться, Зинуля изрекла: Жениться тебе пора, Витенька».

Беспросветно. Все или посмеиваются, или шарахаются от меня, как от прокаженного. Я остался один на один со снами. Никто не понимает, что без них меня бы не озаряли идеи, из-за которых я ценим и терпим в редакции. Вот организовал к юбилею газеты «штурм» здания спелеологами. Весь город пришел смотреть, как вечером с фонариками во лбу ловкие юноши и девушки спускаются с крыши на тросах к нам на восьмой этаж. Почти сон, не правда ли? Или явь как сон.

Фрагменты снов, которые я запоминаю и сразу записываю при пробуждении в ночи, стали складываться в новые сны, я помню такие до мельчайших подробностей. Вот я показываю

наш город королеве Англии по поручению редакции. По-английски больше нието не говорит свободно. Кругом какие-то помойки, нагромождения, которые трудно преодолевать. Я помогаю почтенной даме не застрять и говорю: «Вы записывайте все в блокнотик, что надо приводить в порядок с вашей помощью». Просыпаюсь гордый, ведь я гулял с королевой. В следующем сне наступает расплата за непочтительную вольность. Появляется экран с изображением отрубленной головы и надписью: «Сегодня ты потеряешь голову». Я стараюсь быть осторожным, чтобы избежать этой участи. Но вот в воздухе повисает металлический диск, отслеживает меня, настигает и сносит голову. Очень неприятно. Я приделываю ее обратно и бегу к маме. Она заматывает стыки лейкопластырем, и голова продолжает жить. Но я чувствую, что опасность не миновала. Самое страшное – ожидание очередного сна и предстоящей казни во второй раз. От переживаний крепко засыпаю и просыпаюсь с целой головой. Пронесло.

И снова казнь. Сон-фильм. Спиной к зрителям стоит шеренга подростков, среди которых и я. Кто-то объявляет, что должен казнить двух из нас. Есть ли добровольцы? Впереди сверху, как в перспективе на рисованных картинах, видна камера с металлической дверью, где совершается казнь. Страх охватывает меня. Страшна не просто смерть, а ее ожидание. Если бы прозвучал выстрел, и ты умер – это не так страшно, как неизвестность. Что тебя ждет? Насколько мучительной и продолжительной окажется казнь. Только бы

не я... Называют одного из нас, рядом со мной слева, спрашивают последнее желание. Юноша хочет с балкончика последний раз взглянуть на мир. Идея! Если я буду следующим, то попрошу прогулку, не оговаривая, насколько она будет продолжительной. За это время, глядишь, что-то произойдет. Например, что-нибудь случится с нашим мучителем. Я вижу взрыв, в котором он погибает, а мы обретаем свободу.

С утра надел один белый носок, другой черный. На летучке закинул по привычке нога на ногу – и обомлел. Народ веселится. Я объявляю, что они ничего не понимают, это новая мода. Просто я не нашел оригинальные цвета, например, фиолетовый и зеленый. Главред рявкнул, что показ мод надо проводить не в рабочее время.

Я не потерял чувство юмора – это обнадеживает. А во сне можно шутить?

К моим запоям относились более лояльно, чем к снам. А ведь я приносил вред не только себе, но и окружающим. Однажды напился у знакомых, поминали маму. Они посадили меня на автобус, и я сразу заснул. Проснулся от того, что водитель тряс меня.

– Эй, парень, тебе где сходить? – Я назвал остановку. – Это в другую сторону, я в парк.

– Как же быть?

Он вытолкал меня. Неподалеку стояла милицейская ма-

шина, и патрульные стали приглядываться ко мне. Я к ним, бухнулся на колени и заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.